

Цена 20 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

7
(1020)

ISSN 0132—2141

Сергей ОСТРОВОЙ
СТРАСТИ

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Библиотека Крокодила № 7

Сергей ОСТРОВОЙ

СТРАСТИ

Рисунки Г. БАСЫРОВА

Москва
Издательство ЦК КПСС «Правда»
1987

К ЧИТАТЕЛЮ

Так кто же ты? Друг или недруг?
Тут нет середины ни в чем.
Тут либо дремучие недра,
А либо звезда над ручьем.

И стань ты хоть докою ушлым
Иль тем записным знатоком,
Но паче всего равнодушным
Не смей состоять. Ни при ком.

И вот ведь тут чудо какое:
Сейчас ли, а может, в былом,
Лишал ли тебя я покоя
При встрече с добром или злом?

Помог ли бесстрашью? И чести?
Был рядом во время годин?
И верил ли ты, что мы вместе?
Что ты на земле не один?

Ты мой. Хоть великий, хоть малый.
Ты мой. По бытью. По судьбе.
Каким тебя званьем ни жалуй,
А все не по росту тебе.

Так кто же ты? Друг или недруг?
Тут нет середины ни в чем.
Тут либо дремучие недра,
А либо звезда над ручьем...

МЕЛОЧЬ

А в мире нету мелочей.
Все в счет идет. Любая малость.
И недосказанность речей.
И пустяковенькая шалость.

И чванство плоского словца.
И запоздалая забота.
И выражение лица,
Когда тебя встречает кто-то.

Все в счет идет. Любой зазор.
Все на свету. Любая мера.
И отведенный лживый взор.
И лживость мнимого барьера.

И опрометчивый приказ.
Жест, обозначенный для вида.
Непозволительный отказ.
И мимолетная обида.

Необязательность речей.
Неосмотрительная шалость.

...А в мире нету мелочей.
Все в счет идет. Любая малость.

ЛЕСТНИЦА

Лестница, льстивая лестница
Все мне твердит об одном:
— Я твоя добрая вестница,
Мы с тобой кверху идем.
Мне твои радости дороги.
Что тебя ждет впереди?
Я тебе под ноги, под ноги,
Ты только кверху иди.

Ты только кверху. Без устали.
Помни на свете одно:
Разум ведет тебя, чувство ли,
Все перед ними равно.
Кверху! Все в мире отмерено.
Кверху! Иди и владей.
Скоро ты будешь уверенно
Сверху глядеть на людей.
Я ведь такая счастливая.
Я ведь с душою. Любя...—

Льстивая лестница, льстивая,
Я ненавижу тебя.
Сколько сгубила ты попусту
Судеб сломала людских.
Мне и не надо их, попросту
Шатких ступенек твоих.

ТЕНЕТА

И грудь на грудь. Глаза в глаза. Воочью.
А не удар из-за угла. И ночью.

И не слушок липучий. Заугольно.
А говори в глаза. Хоть будет больно.

Все, что ты знаешь, прямо мне скажи.
Худая правда лучше всякой лжи.

А ты тайком плетешь свои тенета.
Все норовишь еще схватить кого-то.

Накликать горе. Опоясать злом.
А самому остаться за углом.

Ты нетопырь. Ты черная морока.
И все-то ты ни близко, ни далёко.

Хоронишься в запечном тайнике
С намыленной удавкой в руке.

Ты оборотень. Все в тебе фальшиво.
А людям улыбаешься красиво.

Желаешь им здоровья. И добра.
Спешишь сказать:— Ни пуха ни пера!

А сам в ночи плетешь свои тенета,
Чтобы тайком еще схватить кого-то.

СТРАСТИ

Войду в твои ворота я
И слышу за версту,
Как сплетня большеротая
Кричит:
— Ату! Ату!

Зайдясь от гнева шалого,
Как спущенный с цепи,
Большой молотит малого:
— Терпи,— кричит,— терпи!

Мне пуще ненавистного
Тот пухлый каравай,
Что жрет бездельник истово:
— Давай,— кричит,— давай!

Готовясь к бою важному,
Я слышал, ей-же-ей,
Как трус кричит отважному:
— Смелей давай, смелей!

И для покоя вящего
Кричит в крутые дни
Лентяй на работающего:
— Гони давай, гони!

Страстей цветное крошево
Кипит в людском котле...

И все-таки хорошего
Пребольше на земле!

КЛОУН

Утром акробата хоронили.
На поминках пили. Ели лук.
И остался ночью на могиле.
Рыжий клоун. Неразменный друг.

Он еще не стер свои румяна.
Мял в руках потертый шапокляк.
Старый донкихот из балагана.
Пестрый, размалеванный добряк.

Скоро жизнь пройдет, а вспомнить нечем.
Ни жены. Ни славы. Ни утех.
Но ведь это счастье — каждый вечер
Выпускать на волю чей-то смех.

Не зверей из клеток. Белых. Бурых.
А счастливый смех. До слез. До дна.
Чтобы никаких дорожек хмурых
Не вела морщинка ни одна.

Чтобы смех — лихой солдат успеха —
Отводил бы души от забот.
Говорят, одна минута смеха
Удлиняет жизнь на целый год.

Если все собрать минуты эти
В длинный-длинный клоунский мешок,
Жил бы клоун дольше всех на свете,
Жизнь не разменяв ни на вершок.

Громко бьется клоунское сердце,
Будто он ступает по горе.

...Акробаты падают с трапеций.
Клоун
умирает
на ковре.

ГИТАРА

Терпеливица гитара.
Полушепот... Полувздох...
То ли бредит бочкотара.
То ли дрозд в саду издох.

Бормотанье. Наговоры.
Шепоток бежит рысцой.
Звуки-крохи. Звуки-воры.
Звуки — с хитрой хрипотцой.

Пестрых слов тасуя карты,
Цедят песенку одну
Доморощенные барды,
Исципавшие струну.

Голоском, подобным зуду,
Тянут так, что бог спаси...
Сколько их теперь повсюду
Расплодилось на Руси!

С тощей песенкой на пару,
С немудреною строкой,
На миру казнят гитару
Бесталанною рукой.

Шепоток бежит сторонкой,
Мелким бесом стежки вьет...
Где ты, удаль песню звонкой,
Той, что за душу берет?!

Где ты, рек великих вече,
А не слепенький поток?
Где ты, голос человечесий,
А не микрофонный ток?!

Не узорные разводы.
Не кривлянье естества.
Где ты, голос — дар природы?
Где ты, искра волшебства?

Я кричу, как от удара,
Оттого, что на стене
Убиенная гитара
Молча
 жалуется
 мне...

ПАРАЗИТ

Две руки у тебя. А зачем?
Для чего тебе руки, скажи?
— Как зачем? Я ведь все-таки ем.
Надо вилки держать. И ножи!

Две ноги у тебя. Две ноги.
А зачем? Ты ответить готов?
— Как зачем? Надо делать долги,
А потом убежать от долгов!

А глаза? Голубые глаза?
Для чего? Что ты видишь, ответь?
— Для чего? Чтоб тянулась слеза,
Чтобы люди могли пожалеть.

А спина? Что носил на спине?
Поднял в жизни когда-нибудь кладь?
— На спине? А зачем это мне?
Ведь спина для того, чтоб... лежать...

Ну, а совесть? Как быть тебе с ней?
Жить всю жизнь у чужого огня?
— Ну и что ж? Разве столько людей
Одного не прокормят меня?!

ПРОРИЦАТЕЛИ

Прорицателей ужасных
Столько стало — счета нет.
Говорят, земля погаснет
Через тридцать тысяч лет.

Говорят, исчезнут люди.
Страны вымерзнут подряд.
И еще чего-то будет,
Говорят.

Я не знаю, в чем примета,
Только знаю я одно:
Про тебя, земля, вот это
Говорят уже давно.

Та седая небылица
Совершает свой набег,
А земля себе вертится
Вот уже который век.

Что ей только не пророчат!
Зло сулят, грозят бедой,
А она всю хохочет
Переливчатой водой.

А она всю смеется
Спелым золотом жнивья.
Кто сказал, что стинет солнце,
Что застудится земля?!

Ей кружиться по орбите
И нести тепло и свет.
А не верите — зайдите
Через тридцать тысяч лет.

Зачем архипелаги открывать?
Не лучше ли улечься на кровать?

Зачем лететь к Венере и к Луне?
Не лучше ли, когда они в окне?

Зачем у океана щупать дно?
В любом тазу заметнее оно.

Зачем сбивать затворы с теорем?
Зачем? Зачем? Зачем? Зачем? Зачем?

Да все затем, что иначе Земля
Осталась бы на уровне нуля.

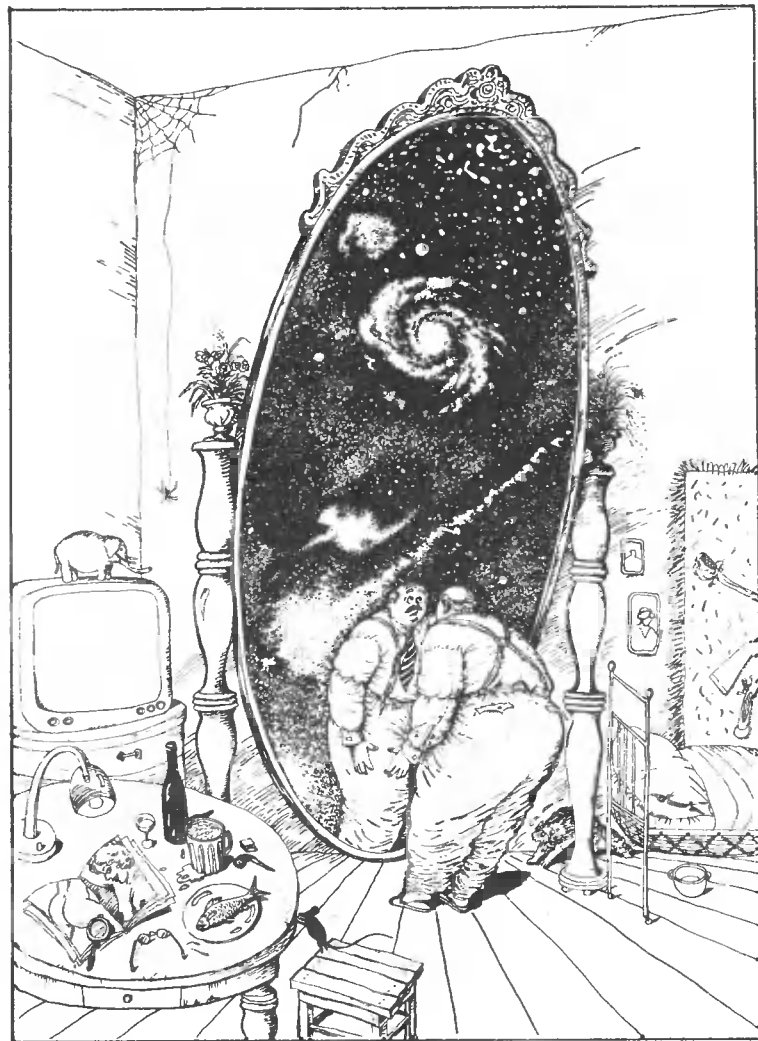
И человек, не сосчитавший звезд,
Не встал бы с четверенок в полный рост.

И те стихи, что я тебе принес,
Погибнут без есенинских берез...

Был человек с собой на «Мы»
И говорил беспечно:
— Да, есть у нас еще умы,
И это мы, конечно!
Уйдем — и сгинете. Беда.
И всё. И горстка пыли.

И он ушел. А как? Когда?
Об этом все забыли.

ЩЕДРОСТЬ

Я был
 вчера
 осой
 ужален.
И был укус ее кинжален.
А ей
 от этого
 укуса —
Ни меда в рот, ни хлеба куса.
Зачем осе такой укус?!
А у нее
 особый
 вкус.
Особый нрав. Особый глаз.
Особой
 щедрости
 запас:
Она (заметьте!) очень рада
Отдать вам все запасы... яда.

БЕЗЛИКОСТЬ

Прочтешь стихи — ни запаха, ни цвета.
Синтетика... Она теперь в чести.
В таких стихах нет ни зимы, ни лета.
Ни птицам петь. Ни дереву цвести.

А все на месте. Свинчено на диво.
Все пригнано. Да так, что не дыши.
И все тут есть. И вроде все красиво.
Единственно, чего тут нет, — души.

Да собственного зрения. При этом.
Да той, природной сути мастерства,
Когда своим, а не сторонним светом
Живет любая клетка естества.

А то ведь вот какая незадача:
Вдоль хилых синтетических кривых
Бредут стихи — не хохоча, не плача,
Не трогая ни мертвых, ни живых.

О серый яд безликого эрзаца!
Так гладко все, что можно уморить.
А песням надо плакать. И смеяться.
И ненавидеть. И боготворить.

А тут — прочтешь — ни запаха, ни цвета.
Синтетика... Она сейчас в чести.
И ни зимы в стихах таких. Ни лета.
Ни птицам петь. Ни дереву цвести.

КЛЯТВЫ

Тот, кто пишет о совести
Очень длинные повести, —
Тот легко и прекрасно
Отмахнется от совести.

Тот, кто честью своею
Клянется отчаянно, —
Тот, наверное, служит
В подручных у Каина.

Тот, кто криком кричит
О своей откровенности, —
Тот затянет петлю на тебе
В совершенности.

Тот, кто выше всего
Чтит свои добродетели, —
Может сделать добро,
Но всегда при свидетеле.

Тут не жди ничего.
Ни посева. Ни жатвы.

Мне дороже всего —
Молчаливые клятвы.

КОРЫСТЬ

Скупые платят дважды. Так и знай.
И не скупись. И не держи корысти.
Ведь как ее потом ни заклинай,
Как ни рядись в спасительные мысли —

Корысть себя окажет. В нужный срок.
Потребует доплаты, как расплаты.
Все мало ей. Все больше надо. Впрок.
Ей прежние одежки маловаты.

За все возьмет. Загонит наповал.
Получит за провал и за успехи.
А ты недоедал. Недопивал.
Был скуп на доброту. И на утехы.

Терял себя. Потерь не перечесать.
Гонялся за корыстью до упаду.
Скупые платят дважды. Так и есть.
И поделом. И прочь от них пощаду.

БЕЗДЕЛЬЕ

Не хожу я к безделью в гости.
За него я не дам гроша.
От безделья ржавеют кости,
От безделья болит душа.

От безделья мельчает мера,
Горизонты вмерзают в лед.

И в какой-то истоме серой
Неподвижность души живет.

И от этого день напрасен.
Ширь беззвучна. И даль слепа,
За окошком засохнет ясень.
За порогом умрет тропа.

Тощий колос раскинет руки.
Затуманится дом тоской.
И придут в изумленье внуки
От такой наготы людской.

Нет, не звал я безделья в гости,
За него я не дам гроша.
От безделья ржавеют кости.
От безделья болит душа.

ДОБРОТВОРЦЫ

О добротворцы за казенный счет!
Я знаю вас. Таких умильных. Кислых.
Спят ангелочки на устах отвислых.
И доброта, как дождик, с вас течет.

Ах, вы такие, право, добряки!
Не тяжело вам быть всегда хорошими?
И спины гнуть под ангельскими ношами?
И воровать у правды медяки?

На них вы покупаете билет.
И едете в хорошее. В добрейшее.
Искусство ваше — существо древнейшее:
Ему от Иисуса тыщи лет.

Вы все творите пышное добро.
За доброту любой из вас увенчан.
А вы б смогли за лучшую из женщин
Бестрепетно отдать свое ребро?!

О добротворцы за казенный счет!
Я знаю вас. Таких умильных. Кислых.
Спят ангелочки на устах отвислых.
И доброта, как дождик, с вас течет.

СПЛЕТНЯ

Перед сплетней лихой
Не склонив головы —
Отградим наших жен
От хулы. От молвы.

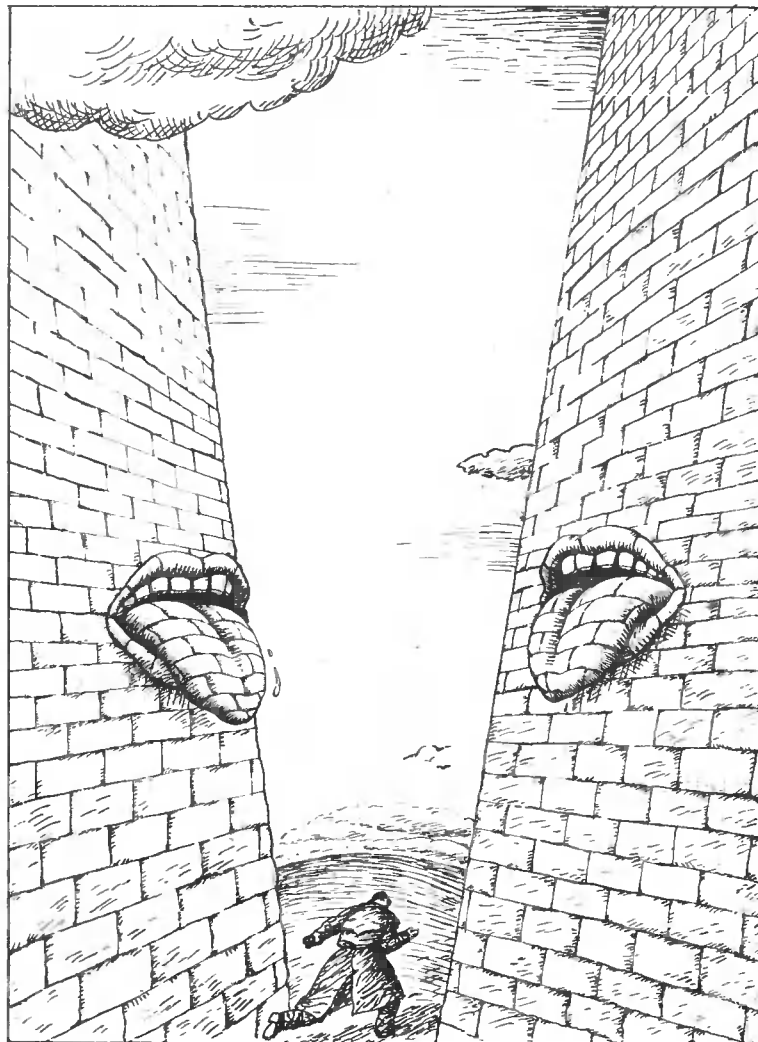
От поганных наветов.
От злого слушка.
От гадоки,
Что жалит исподтишка.

От отравного хлеба.
От горькой воды.
От горючей, плакучей,
Кромешной беды.

Сколько было размолвок.
И сколько смертей.
Криворотого зла.
Ликовавших чертей.

Сколько было на свете
Разбитых сердец.
Будь ты проклят, писец.
Анонимный писец.

Перед сплетней лихой
Не склонив головы —
Отградим наших жен
От хулы. От молвы.

РАЗГОВОР С КРИТИКОМ

Мой милый критик симметричный,
Вспахав словесные поля —
Скажи, где знак твой пограничный?
И где она — твоя земля?

Чему ты молишься, однако?
Что ненавидишь от души?
Ты так, ты сяк, ты эдак. Всяко.
И те, и эти хороши.

За что ты ратуешь открыто?
Куда ведешь свои мосты?
Ты хвалишь то, что именито,
Что знаменито — хвалишь ты.

А как с открытьями? Да просто.
Закрыв глаза. И был таков.
И кто там есть какого роста —
Тебе ль до этих пустяков?!

Ты проживешь за толстой дверью.
Тебе — что дождь идет, что снег.
Но есть другие — я в них верю, —
Они напишут этот век.

А ты, мой критик симметричный,
Вспахав словесные поля —
Скажи, где знак твой пограничный?
И где она — твоя земля?

СТАРЫЙ БЕС

Это исстари так. От века
(Тут ты правде своей не лги!):
У хорошего человека
Тоже есть на земле враги.

Вот, казалось бы уж, откуда?
Не ловчил. Не позорил честь.
И не делал другому худа.
И старался вперед не лезть.

Ненавидел притворство люто.
Не копался в чужой судьбе.
Но от этого вдруг кому-то
Становилось не по себе.

Почему? По какой примете?
Чем ты им не потрафил? А?
Просто тем, что ты жил на свете.
Просто тем, что не делал зла.

Просто тем, что работал много.
Просто тем, что ты шел вперед.
Но не там, где в пути полово,
А где удаль размах берет.

Вот и все. Это так от века.
Тут ты правде своей не лги.
У хорошего человека
Тоже есть на земле враги.

В норах прячутся. Их не видно.
Сохнет зависть, как старый бес.
...Мелколесью всегда обидно,
Если рядом густится лес.

ЛЖИНКА

Как часто люди лгут друг другу.
Стерпелись. Просто лгут. Без зла.
Но любит ложь ходить по кругу,
И оттого она кругла.

Обкатан черный колобочек.
Его попробуй ухвати.
Он между душ. Он между строчек.
Он знает всякие пути.

Ему что горка, что ложбинка —
Любые тропки хороши...
О, эта маленькая лжинка.
О, эта оспинка души.

ПРЯМОТА

Люблю двужильных. Не люблю двудонных.
Двуличных не люблю. И двухэтажных.
Я больше все за тех — за непоклонных.
Я больше все за тех — за непродажных.

Они бывают истинно прямыми.
Стой на своем — они тебе помогут.
Они бывают жесткими и злыми
И только подлецами быть не могут.

Они себя не прячут в недомолвках.
Расчетливость не жжет их черной ночью.
Они не выгибаются в уловках.
Не ходят на поклоны к многоточью.

Не пятятся в молчанье оробелом.
Для них сказать неправду — это жутко.
И между словом их и между делом
Пустого не бывает промежутка.

Без гордой фальши и без позитуры,
Крутые, как вершины на отрогах,
Они хранят достоинство природы
На трудных

человеческих

дорогах.

СЛОВО О РАВНОДУШНЫХ

Мне равнодушный страшен, как чума.
Боюсь безгрешных. Гладеньких. Скользящих.
Молчащих. И всегда ненастоящих.
Не смейте их пускать в свои дома.

Им все равно, какой сегодня век.
Какие там на Марсе Аэлиты.
Они живут, не поднимая век.
Глухие, как кладбищенские плиты.

Всё мимо них. И радость. И беда.
И зимний день. И с вешнею пыльюю.
У них в глазах стоячая вода
С холодной голубенькой гнильцою.

Такие ходят молча. Не спеша.
Апостолы, с улыбочкой немою.
А там, где помещается душа,
У них дыра, наполненная тьмою.

Свет не пробьется. Луч не зазвенит.
Все там темно. И все невозмутимо.
И тычутся тычинки о гранит.
И все живое пролетает мимо.

О, я встречал их даже на войне.
Бездушных этих. Равнодушных этих.
Цветы и камни корчились в огне,
Земля кричала о погибших детях.

А этих — грела теплая нора,
И никогда им не бывало больно.
...Когда нам запрещали доктора —
Мы уходили в роты добровольно.

Без почестей. Без выгод. Без похвал.
Иной судьбы тогда мы не просили.

Спроси меня: зачем я воевал?
Да разве я бы прожил без России!

А эти — жили. И сейчас живут.
И все живое серой краской метят.
И глупого глупцом не назовут.
И умного как будто не заметят.

А рядом замерзает человек.
Уже его метели отпевают.
— Откройте дверь! —
Но дверь не открывают.
Здесь путника не пустят на ночлег.

А ты, поэт, певец своей норы,
На мир глядящий из глухих отдушин,
Играющий в кубы или в шары,
Ты в сущности-то к людям равнодушен.

Я всех вас знаю. Каждый мне знаком.
Всё для себя. Всё к своему порогу.
А вы хоть раз ходили босиком,
Чтоб кожей почувствовать дорогу?!

А вы кого любили? Кто ваш враг?
Какой вы предпочтете род оружия?
Вы — кто предаст любой на свете флаг.
Прикрывшись серым флагом равнодушия.

МОЛВА

То погремушкой громкой брякая,
То с волчьей завистью в ладу,
Про нас молва ходила всякая.
И до сих пор еще в ходу.

Она спешит, молва спесивая,
Заворожить, наворожить.

Уж ты не слишком ли красивая,
И как с тобой, с красивой, жить?

И кто кого из нас достойнее?
И чьи блистательней права?
И ранит, ранит все разбойнее
Та — черногубая — молва.

И что ей точности? Неточности?
Ползет сквозь сорную траву.
И лишь любовь — запасом прочности —
Сбивает

начисто
молву.

ЧАС

Мы часто произносим:

— Битый час!
А почему он битый? Кем он битый?
А может, он не битый? А убитый?
Ушел от нас — не совершив для нас?
А может, все не так на этот раз?
В полярной тьме, сквозь ветер ледовитый,
В беду и в снег почти по грудь зарытый,
Быть может, он людей от смерти спас?
И это был порыв. А не приказ.
Добру открытый, радостям открытый,
Быть может, он строитель знаменитый
И на лесах эпохи — верхолаз?
И время про него ведет рассказ?

Вот кто такой он, этот самый час!

КЛЕВЕТА

Она ползет, она шипит змеино.
Метет углы шершавым языком.
И тянется по следу длинно-длинно.
И к дому подбирается тайком.

И по дорожке заспанной, полночной,
Когда стоят все двери под крючком,
Она крадется к скважине замочной
И оловянным плянется зрачком.

Потом идет по городу судачить.
Живых и мертвых исподволь бранить.
Ей надо все вокруг переиначить.
Пересобачить. И перечернить.

Ей надо сделать сильного бессильным.
Людскую радость завистью скосить.
И в мелкозубой ярости крысиной
Слушком поганым душу укусить.

И спрятаться. И в тайнике безвестном
Скрипеть пером, ползучим и тупым.
Ей надо сделать честного бесчестным.
Мечту бескрылой. Зрячего слепым.

О, дай мне, время, зрение такое,
Чтоб за сто верст найти наверняка
Стреляющего подлою строкою,
Укрытого в норе клеветника.

Он стóбит слез, он столько стоит крови,
Что я — в людскую веря доброту —
Без лишних слов, без долгих предисловий
Рубил бы

языки
за клевету!

ПУСТЯК

Одно горе — не горе.
Одна слеза — не туман.
И речка — еще не море.
И море — не океан.

Я это к тому все вспомнил,
Что часто и мы с тобой
Удары домашних молний
Привыкли считать судьбой.

То в глаз занесет песчинку,
То вдруг перейдешь черту,
И небо уже с овчинку.
И сердцу не вмоготу.

И все уже на пределе.
Не по себе. Не так.
А в сущности, в самом деле, —
Ведь это хитрит пустяк.

И радуется безмерно
Зловредненький пустячок.
И где-то в углу, наверно,
Хихикает в кулачок.

И оба пойдем мы вскоре,
Что все это был обман,
Что горе — еще не горе,
И речка — еще не море.
И море — не океан.

ПРОСТАК

Он был до святости простым.
А может, просто простоватым?
Но кто-то звал его святым,
За правду на кресте распятым.

Ах, до чего же был он прост!
Ну просто пареная репа.
И всем под масть. И всем под рост.
И сам в сторонке, благолепа.

Голубоглаз. Сутул слегка.
Похож на веточку в стакане.
И мы жалели простака:
— Не троньте сырых, россияне!

А он ловил сердца, хитрец.
Премного нами был доволен.
И по ступенькам тех сердец
Взбирался выше колоколен.

ЗАПОВЕДЬ

Не отступай, но уступай!
Найди в себе такую силу.
Найди в себе такую жилу
И в ней терпенье откопай.

Не начинай неправый спор.
Не трать себя в ненужной ссоре.
А то ты лучше под топор,
Чем правому уступишь в споре.

Ты очень тверд. И этим горд.
Ты даже гордо поднял плечи.
Но чем ты горд? Что ты был тверд,
Когда ты истину калечил?!

Быть прокурором не спеши.
И не рядись под ясновидца,
На улицах чужой души
Всегда опасно заблудиться.

НУЛЬ

Не презирай нули — они велики.
Они почти как небо. Как земля.
Они блистанье молний, а не блики.
И все пошло, все началось с нуля.

А удлинённый нуль земного шара?
А форма хлебных зерен? Форма пуль?
А этот — в зыбких выскерках пожара —
Такой хмельной, такой багровый нуль?

А лунный диск на синеватом склоне?
А скифские курганы вдоль полей?
А то, что в каждом первом миллионе
Стоят, как исполины, шесть нулей?

Когда тебе нули являют лики,
То что-то умножая, то деля,
Не презирай нули. Они велики.
Они почти как небо. Как земля.

НЕНАРОКИ

Я любитель ненароков.
Ненароком песню спеть.
Ненароком тайным оком
Будущее подсмотреть.

Ненароком грусть приветить
Где-нибудь на склоне дня.

Ненароком счастье встретить
У летучего огня.

Стать горнистом ненароком.
Протрубить зарю в глуши.
Зарядить горячим током
Провода чужой души.

И в дорогу. И в дорогу.
И на том прямом пути
Ненароком, слава богу,
След возлюбленной найти.

Стать известным ненароком.
И когда-нибудь, в свой срок,
Ненароком стать пророком.
Вот чего не дай мне бог!

ЗАВИСТЬ

Зачем ты завидуешь, зависть?
Да разве ты можешь понять,
Как солнце врывается в завязь,
Чтоб розовым зернышком стать.

Да разве ты что-нибудь любишь?
Тебе ведь и знать не дано,
Как соками полнятся глубины
И как вызревает зерно.

От немочи черной пылая,
Топчась у чужого огня,
Ах, старая карлица злая,
Ты часто кусаешь меня.

Я всю разгадал тебя, право.
По-всякому делала ты:
То целила в сердце лукаво,
То ядом кропила цветы.

Все ходишь ты сбоку. В пристяжках.
И все воспаленно и зло
Считаешь на тусклых костяшках,
Кому на земле повезло.

Мне тоже везло понемногу.
Без хитрых прикрас. Без затей.
Везло на любовь. На дорогу.
Везло на хороших людей.

И как ни завидуй ты, зависть,
Тебе ведь постичь не дано,
Как солнце врывается в завязь
И как вызревает зерно.

КРИТИКУ NN

До чего ж ты, друг мой, осторожен.
Все вполсердца. Никогда навзрыд.
Тыном оговорок огорожен.
Наглухо сомненьями закрыт.

Дождь тебя такого не намочит.
Тихо отсидишься под кустом.
Гром еще на небе не рокошет,
Ты уже в калошах. И с зонтом.

Слушаешь стихи. Или кантату.
А придет пора давать ответ —
Все ты ходишь, словно по канату,
Между словом «да» и словом «нет».

Вот смотрю я на твою наружность.
Плавный жест. Движения круглы.
До чего ж похож ты на окружность,
Сгладившую острые углы.

Ухвати попробуй-ка такого!
Где твоя спина? А где твой бок?
Катится намащенное слово,
Будто это шарик-колобок.

У тебя, как у бескровных мумий,
Никаких ошибок. Никогда.
Идоллом сплошных благоразумий
Важно ты ступаешь сквозь года.

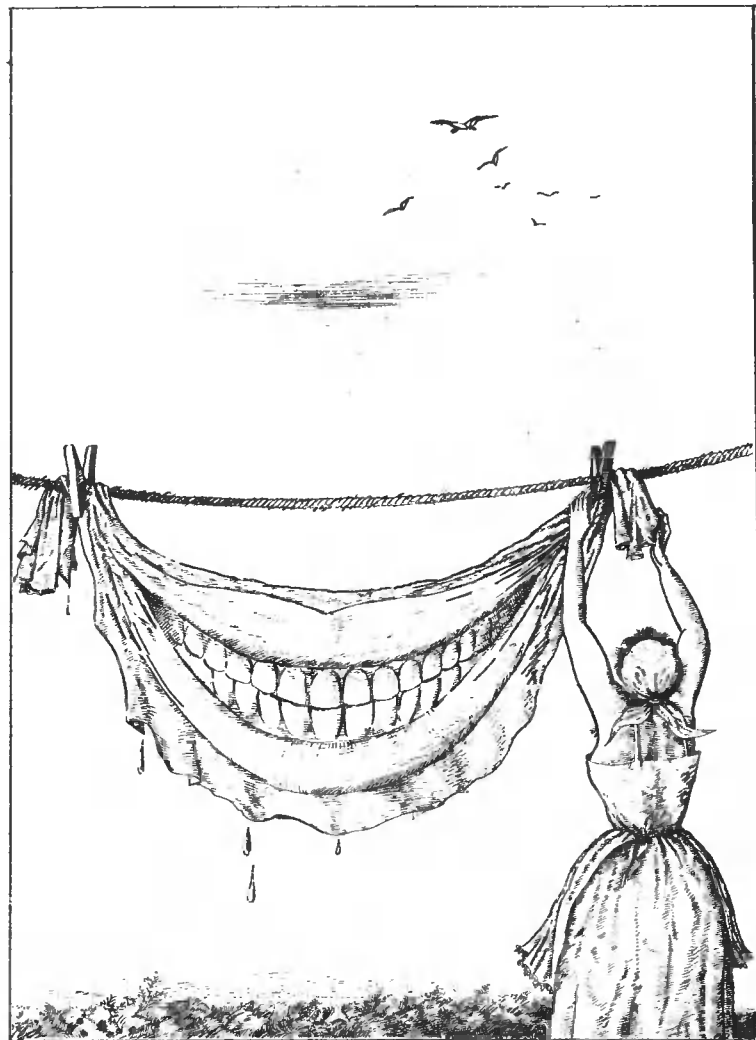
Слушаешь стихи. Или кантату.
И уж сколько зим и сколько лет
Все ты ходишь, словно по канату,
Между словом «да» и словом «нет».

ЛЕНЬ

Говорят, она раньше меня родилась,
Эта хитрая лень. Эта старая лень.
Пожила у меня. А потом прижилась.
И уже она — друг. И уже она — тень,
И уже она ходит повсюду за мной.
И уже мне приятно быть с нею одной.
Как теплы ее руки. Кругла ее речь...
Мне бы слово гранить. Мне бы песнями жечь.
Мне бы сказки ковать из цветного огня...
Ах, как много ukrала она у меня.
Как разложит добро — не закроется дверь.
На сто лет ей, наверное, хватит теперь.

МИЛЯГА

Вы думаете, что он злодей?
Напротив! Он мягковатый, зыбкий...
Нет, он не печатал фальшивых рублей,
Он печатал фальшивые улыбки.

Он улыбался. Всем. И всему.
Фальшивил? Но разве за это судят?
За это нельзя ни в суд, ни в тюрьму,
К улыбкам тянутся люди.

Разве запретно? Наоборот!
Вот он и вхож был в дома и в души.
Но чем он шире улыбнит рот,
Тем он скорее тебя задушит.

Такой миляга — не сыщешь вокруг.
Попробуй найди на земле такого.
Он тебе брат. Он тебе друг.
Не веришь? Честное слово!

Он же с улыбкой к тебе, с добром,
Он же готов за тебя на муки...
А ты ему нужен — как зимний гром.
Как кладбищу — громкие звуки.

И вовсе не ирод он, не злодей.
Напротив! Он мягковатый, зыбкий...
Нет, он не печатал фальшивых рублей,
Он печатал
фальшивые
улыбки.

МОДА

В людских глубинах есть течения,
Как бы в бездонностях морских —
То новой модой увлечения,
То отречения от них.

То верой тешатся убогой,
То отрицают все и вся,
А жизнь идет своей дорогой,
На стрежень правду вынося.

И, громко требуя развода,
Оплавав временную связь,
В обратный путь уходит мода,
На человечество сердясь.

А те чванливые невежды,
Что ей несли свои цветы,
Уже другие шьют одежды,
Мастачат новые мосты.

И в этой пестрой крутоверти,
Где нет начала, нет конца,
Немеют души раньше смерти
И расщепляются сердца.

Ах, эти верткие течения,
Как бы в бездонностях морских —
То новой модой увлечения,
То отречения от них.

ВЕС

В каждом сидит беспокойный бес,
Каждому хочется знать упрямо:
А какой у него — у человека — вес?
До волоска. До грамма.

И вот он кидается напрямик
К весам. На стрелку глядит уныло.
А я бы ему — в этот самый миг —
Добавил все, что с ним в жизни было.

Его дороги. И впрямь, и вкось.
Пристрастья. К хорошему и к плохому.
Добро, что сделать ему пришлось.
Зло, что он причинил другому.

Греки, в которых попутал бес.
Любовь его, до скончания века...
Вот это и есть настоящий вес
Каждого Человека.

МОЛОДОМУ СТИХОТВОРЦУ

Ни ухабинки, ни кочки,
Поглядишь — одна тоска:
Ровно выструганы строчки,
Как гладильная доска.

Хоть бы малая лощинка,
Ветер в три веретена,
Хоть бы горькая морщинка,
Да одна бы хоть. Одна.

В этой выцвети линиялой
Жизнь проходит стороной.
Ни задоринки ни малой.
Ни живинки ни одной.

Молодой ты мой. Болезный.
Что ж ты сразу в старики?!
Все расчислено железно
До бесчувственной строки.

Это что? Веленье моды?
Не отвечу. Не берусь.
А Есенин в эти годы
Пел
 про вздыбленную
 Русь...

О ПРОСТОТЕ

То эти вдруг зазнаются.
То те.
А сила-то не в этом.
В простоте.

Тут не слукавишь.
Тут закон простой.
Не наступай на ближнего
Пятой.

И, угадав удачу
Впереди,
Без чванства это поле
Перейди.

И, ощущая крылья
За плечом,
Не унижай друзей своих
Ни в чем.

Когда возвышен ты
Среди других —
Не утони
В намереньях благих.

Когда сидишь с друзьями
За столом —
Не упирайся в облако
Челом.

И спесь свою,
Прикрывшись добротой,
Не ублажай
Фальшивой простотой.

ОРАТОРЫ

Ах, эти мне ораторы,
Ну те, что без сомнения —
Не больше, чем вибраторы
Без собственного мнения.

Язык стучит. Не ленится.
Да так болтать разгонится,
Как ветряная мельница,
Как пустынная звонница.

А есть еще бессменные.
Всегдашние. Трибунные.
Такие непременные.
Такие однострунные.

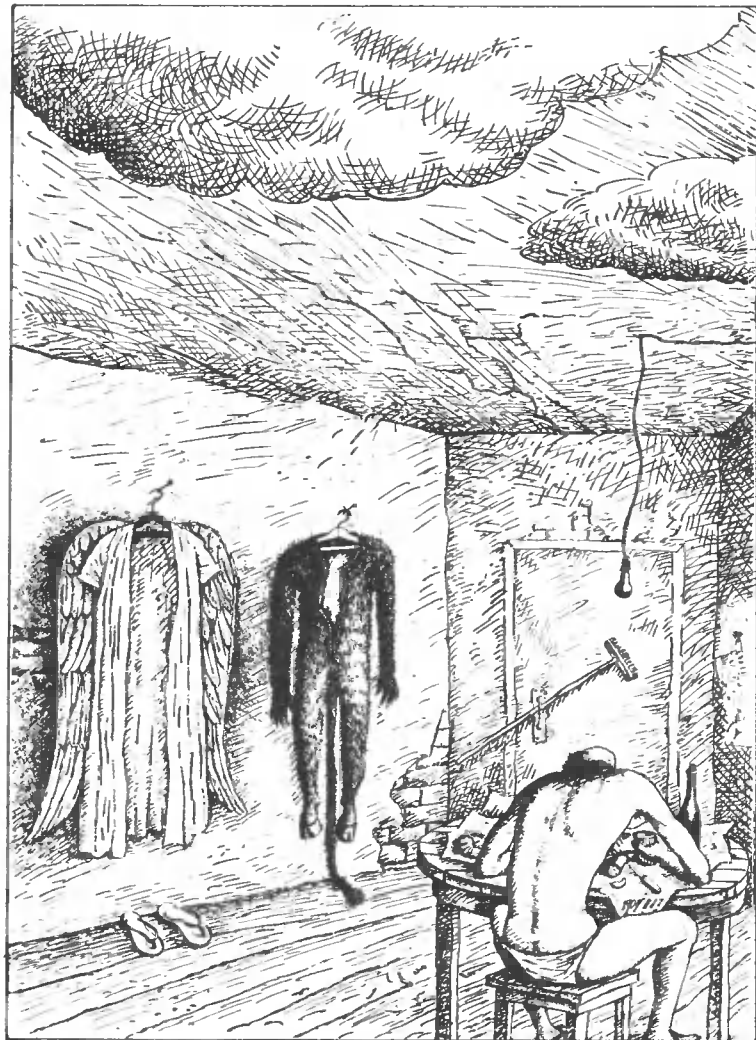
Все ровненько. Все гладенько.
До умопомрачения.
То кисленько. То сладенько.
То вовсе без значения.

А то казенно-скучные.
По самой сути нудные.
Такие однозвучные.
Тоскливо-беспробудные.

Нет, я за тех ораторов,
Я за такое воинство,
Что не свернет с фарватеров
И чести, и достоинства.

КОНТРАСТЫ

То он тихо живет. Без затей.
То бушует, как вешние реки.
Сколько ангелов, сколько чертей
Жарко пляшут в одном человеке?!

Сколько в нем и прямого, и вкось?
Сколько в нем параллелей прямых?
Сколько песен в нем вместе сошлось,
Самых грустных и радостных самых?

Разве вычерпать душу до дна?
Время в разных встает начертаньях.
Человек — не сплошные тона,
А оттенки. В любых сочетаньях.

Вот и надо на этом пути,
Сквозь контрастную эту фактуру,
В человеке бесстрашно найти
То, что в нем возвышает натуру.

ХАРАКТЕР

Я не уютный. Не попутный.
И дай мне бог таким быть впредь:
Могу взлететь, как шарик ртутный,
Когда бы надо замереть.

Я не удобный. Не подобный
Дельцам и докам. Хоть умри.
И сколько раз пирог свой сдобный
Легко менял на сухари.

Я не сановный. Не злословный.
Не записной слагатель строф.
И не свидетель хладнокровный
Запавших в души катастроф.

Я не смиренный. Не разменный.
А все кому-то не хорош.
Да, я гордец. И я надменный.
С тем, кто других не ставит в грош.

Я не двудонный. Не поклонный.
Чту человеческую честь.
И если очень в жизнь влюбленный —
То в этом суть моя и есть!

НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ

Журчать, словами истекая.
Все обещать. На все лады.
Необязательность людская —
Да горше нет такой беды.

Пообещать. Пообнадежить.
Стучаться вестником в дома
И обмануть. А тут, быть может,
Судьба решается сама.

Украсть бессовестно минуты.
А то и час. А то и два.
А ты все веришь почему-то
В его пустячные слова.

И что ему твоя морока!
Ничто. Он сам себе хорош.
Нет, он придет — но позже срока.
А ты все ждешь его. Все ждешь.

Он так привык. Он с этим сжился.
Он в добродетелях цветаст.
А долг не платит. А божился.
А клялся. Громко. Что отдаст.

Журчит, словами истекая.
Всем все сулит. На все лады.
Необязательность людская —
Да горше нет такой беды.

ДУЭЛЬ

Когда мне говорят, что я старею,
Что жизнь уже похмелье, а не хмель,—
Я кулаки сжимаю. Я зверею.
Я старость вызываю на дуэль.

— Сударыня, готовьте вашу шпагу!
Вам кто сказал, что я у вас в плену?
К барьеру! Бой! И уж назад ни шагу.
Я вас сейчас легонечко проткну.

А, вы бежите? Это ж непристойно.
Везде найду вас. Всюду доберусь.
Шучу, шучу. Живите век спокойно.
Я с женщиной на шпагах не дерусь.

Но об одном прошу вас: так и знайте,
В каком бы мы ни встретились краю —
Пройдите мимо. И не узнавайте.
И не глядите в сторону мою.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Решено, что первый официальный чемпионат мира по тяжелой атлетике среди женщин состоится осенью 1988 года в США.

(Из газет)

Не сон дурной, не злое наважденье,
А всей живой природе вопреки,
На игры, на железные раденья,
Мадонны, вас зовут гиревики.

Да разве это женщине по рангу?
По силе? По природе? По плечу?
Мадонна, опустите вашу штангу!
Я женственною видеть вас хочу.

Пленяйте нас естественностью чуткой
В своих предназначениях святых,
А вовсе же не силищею жуткой
И не буграми бицепсов литых.

Вам не к лицу железное убранство,
Когда под ним сгибается помост.
Иван Поддубный — это великанство!
Поддубный в юбке — это парадокс!

МОДНАЯ ПЕСНЯ

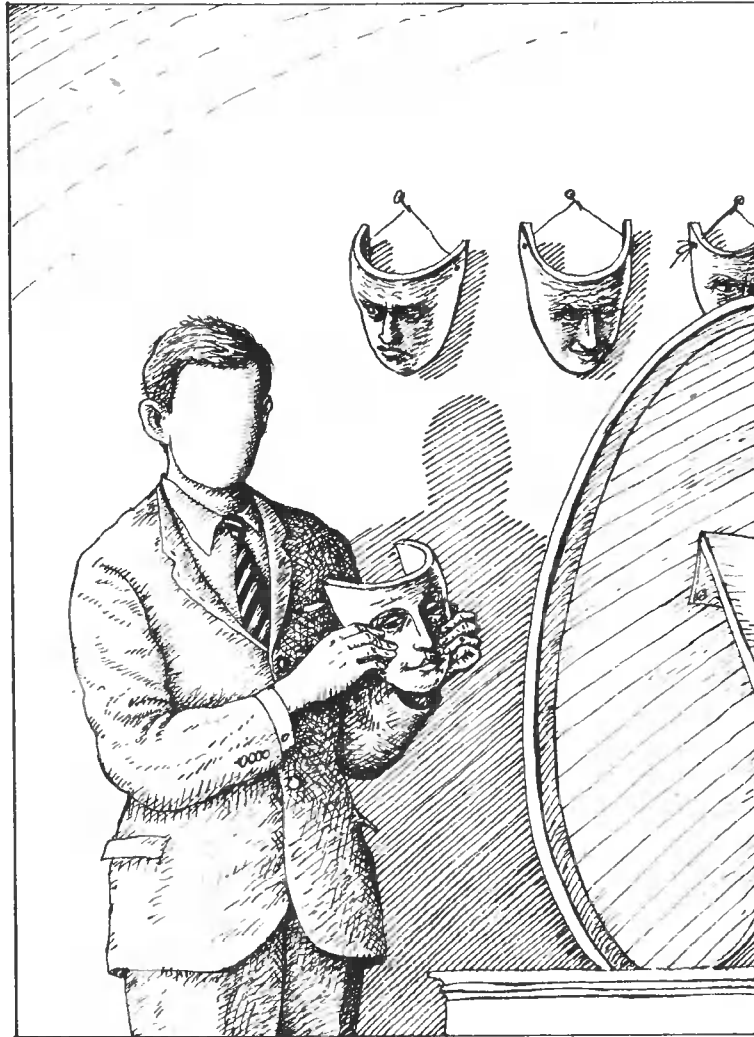
Всех этих модных песен супротив
И вопреки крикливой этой моде
Меня давно влечет к себе мотив
Той старой песни, что живет в народе.

Ее не произносят — а поют!
Не микрофонят громко. До упада.
Пустячный синкопический этюд.
Зазезжая трескучая эстрада.

И так душе бывает невтерпеж,
Так тяжело от этого кривлянья,
Когда на сцене топчется галдеж,
А попросту балдеж. На выживанье.

Тут сразу видно, что кого влечет.
Как можно душу выбивать из клавиш.
Нет, я не в осужденье. Не в начет.
Насильно петь другое не заставишь.

Да и не надо. Каждому — свое!
И все-таки. Мне жалко тех несчастных,
Кто рядит песни в пестрое тряпье,
Ни к красоте, ни к счастью не причастных.

Вот почему тех песен супротив
И вопреки крикливой этой моде
Меня давно влечет к себе мотив
Той старой песни, что живет в народе.

ПРИТВОРА

Со злобой помянут? Или с приятцей?
А может,

кану

в Лету

без следа?

Я многому учен. Но притворяться
Не мог я научиться никогда.

Какого б ты достоин ни был чина
И как ты в этой жизни ни живи,
Но если ты

действительно

мужчина —

Будь честен. И душою не криви.

Не притворяйся. И не фарисействуй.
Не прикрывайся

масками

хитро.

И, сотворив злокозненное действие,
Не выдавай

злодейство

за добро.

Ты мне противен — плутня и притвора.
Все горше ненавижу. Все лютей.
По мне притвора — это хуже вора.
Постыдно красть

доверье

у людей.

И зло нас помянут или с приятцей,
Или исчезну в Лете без следа —
Я жил, как жил. Вот только притворяться
Не позволял
 себе я
 никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	2
Мелочь	3
Лестница	3
Тенёта	4
Страсти	5
Клоун	6
Гитара	7
Паразит	8
Прорицатели	9
Зачем архипелаги открывать?	10
Был человек с собой на «Мы»	10
Щедрость	12
Безликость	12
Клятвы	13
Корысть	14
Безделье	14
Добротворцы	15
Сплетня	16
Разговор с критиком	18
Старый бес	18
Лжинка	19
Прямота	20
Слово о равнодушных	21
Молва	23
Час	24
Клевета	25
Пустяк	27
Простак	28
Заповедь	28
Нуль	29
Ненароки	29
Зависть	30
Критику NN	31

Лень	32
Миляга	32
Мода	34
Вес	35
Молодому стихотворцу	36
О простоте	37
Ораторы	38
Контрасты	38
Характер	40
Необязательность	41
Дуэль	42
Точка зрения	42
Модная песня	43
Притвора	45

Сергей Григорьевич ОСТРОВОЙ

СТРАСТИ

Редактор А. С. Пьянов

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 15.01.87 г. Подписано к печати 24.02.87 г.
 А 05038. Формат бумаги 70 × 108^{1/8}. Бумага типографская
 № 2. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л.
 2,10. Учетно-изд. л. 2,01. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75 000.
 Изд. № 360. Заказ № 83. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типогра-
 фия имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Прав-
 да», Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

